

Н О В Ы Й
ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ВСѢХЪ

1908 годъ

Декабрь. № 2.

ПИСЬМА А. П. ЧЕХОВА.

Объ Антонъ Павловичъ Чеховъ послѣ его преждевременной смерти появилось много воспоминаній. Эти воспоминанія написаны, по большей части, тепло, душевно. Видно, что люди, хорошо знавшіе Чехова, любили его. Я не читалъ, я не слышалъ о немъ ни од-

ного злого слова. Любовь къ нему объединяла людей самыхъ различныхъ направленій и взглядовъ. Чехова любили, но передъ нимъ не преклонялись. Онъ былъ слишкомъ простъ, слишкомъ правдивъ, чтобы допустить хоть намекъ на преклоненіе.

Его любили, потому что онъ самъ умѣлъ любить, любить жизнь, любить людей. Исторія его творчества представляетъ изъ себя ничто иное, какъ постепенное проникновеніе къ источникамъ жизни сквозь загрязняющія ихъ пошлость и низость.

Такова же, видимо, была и исторія его личной жизни.

Какъ въ художественномъ творествѣ, такъ и въ личной жизни онъ непрерывно совершенствовался, непрерывно преодолевая свои недостатки.

Онъ жилъ не мимолетными увлеченіями, а длительной внутренней работой.

Его чувства не угасали, а развивались.

«Любовь къ женщинѣ», — говорилъ онъ какъ-то мнѣ, — «приходитъ постепенно и постепенно усиливается. При настоящей любви, чѣмъ дольше знаешь женщину, чѣмъ больше узнаешь ее, тѣмъ больше влюбляешься».

Чтобы оцѣнить вкусъ дорогого вина, надо привыкнуть къ нему. Такъ и съ женщиной. Чтобы настоящимъ образомъ оцѣнить ее, надо къ ней привыкнуть».

Вѣроятно, и въ свою будущую жену, любящую и чуткую Книперъ, онъ влюблялся постепенно.

Сначала ему казалось невозможнымъ жениться на актрисѣ.

— Вы могли бы жениться на актрисѣ? спросилъ отъ меня какъ-то.

— Думаю, что могъ бы...

— А я вотъ не могу.

Но любовь росла, онъ преодолѣлъ себя, и конецъ его жизни былъ скрашенъ счастливымъ бракомъ съ актрисой.

Впрочемъ, я не намѣренъ писать подробныхъ воспоминаній о Чеховѣ. Я только считаю своимъ долгомъ опубликовать его письма ко мнѣ, сопровождая ихъ необходимыми поясненіями.

Каждое письмо А. П. Чехова въ послѣдній, зрѣлый періодъ его творчества имѣетъ, если не общественное, то литературное значеніе. Въ письмахъ ко мнѣ его мѣткія замѣчанія о Горькомъ имѣютъ больше значенія, чѣмъ инныя критическія статьи.

Изъ писемъ ко мнѣ видно также, какъ серьезно работалъ онъ надъ своими послѣд-

ними произведеніями и какъ ревниво относился къ ихъ судьбѣ.

Въ 1899 году Чеховъ согласился сотрудничать въ редактируемой мною «Жизни» и обѣщаль дать для нея первую вещь, которую напишетъ. Писаль онъ въ это время мало, относясь къ своему творчеству все съ большею и большею строгостью. Много времени у него уходило на предварительную работу, на продумыванье каждаго произведенія во всѣхъ мелочахъ. Только продумавъ его до конца, онъ начиналъ писать, старательно обрабатывая каждое предложеніе.

Написанное измѣнялось и передѣлывалось по нѣскольکو разъ.

Такъ было и съ повѣстью «Въ оврагѣ».

Во время работы надъ нею онъ прислалъ мнѣ слѣдующее письмо.

19 ноября (1899 г.).

Многоуважаемый Владиміръ Александровичъ, Ваше письмо все еще лежитъ у меня на столѣ, поджидая, когда я отвѣчу на него; оно служило для меня суровымъ укрѣпленіемъ все время, пока, наконецъ, вотъ, пославши отвѣтъ на телеграмму, я взялся за перо, чтобы написать Вамъ. Дѣло въ томъ, что я пишу повѣсть для „Жизни“, и готова она будетъ скоро, должно быть, ко 2-ой половинѣ декабря. Въ ней всего листа три, но тѣмъ дѣйствующихъ лицъ, толкотня, тѣсно очень — и приходится много возиться, чтобы эта толкотня не чувствовалась рѣзко. Какъ бы ни было, около 10 дек. она уже сформируется совсѣмъ, можно будетъ набирать. Но вотъ бѣда: разбираетъ страхъ, что ее пощиплетъ цензура. Цензурныхъ помарокъ я не перенесу, или кажется, что не перенесу. И вотъ потому, что повѣсть мѣстами выходила не совсѣмъ цензурной, я не рѣшался писать Вамъ опредѣленно и отвѣчать навѣрное. Теперь, конечно, отвѣчаю навѣрное, но съ условіемъ, что Вы возвратите мнѣ мою повѣсть, если она и Вамъ покажется мѣстами не цензурной, т. е. если и Вы также будете предвидѣть опасность, что ее пощипаетъ цензоръ.

Теперь просьба: пожалуйста, не печатайте въ объявленіяхъ меня такъ длинно. Право, это не принято. Печатайте въ одну строку со всѣми, по алфавиту.

Гдѣ Максимъ Горькій?

Ну, будьте здоровы. Желаю Вамъ хорошей подписки и побольше читателей, этакъ тысячъ сго. Жиу руку.

Преданный А. Чеховъ.

Такимъ образомъ, даже Чехову въ расцвѣтъ его творчества приходилось мучиться мыслями о цензурныхъ искаженіяхъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого письма Чеховъ прислалъ повѣсть, сопроводивъ ее письмомъ:

20 дек.

Многоуважаемый Владимир Александрович, простите — во-первых, я немного запоздал, во-вторых, посылаю рукопись в безобразном виде. Я не стал переписывать из боязни, как бы не опоздать еще больше и не начать опять передѣлывать при

Съ этимъ письмомъ Чехова разошлась моя телеграмма, къ Ялтинскому старожилу, книгопродавцу Синани. Въ этой телеграммѣ я спрашивалъ, гдѣ Чеховъ? Отвѣтъ пришелъ отъ самого Чехова.

А. П. Чеховъ въ своемъ кабинетѣ въ Ялтѣ.

переписываніи. Пожалуйста, отдайте въ наборъ и пришлите мнѣ корректуру, я въ корректурѣ сдѣлаю то, что обыкновенно дѣлаю переписывая, т. е. безобразное сдѣлаю благообразнымъ. Корректуру я придержу у себя два дня. Вотъ если бы Вы отложили до февраль. книжки, то было бы хорошо.

Будьте здоровы и благополучны.

Рукопись идетъ заказной бандеролью.

Искренно Васъ уважающій Чеховъ.

Заглавіе «Въ оврагѣ», быть можетъ, измѣню, если придумаю что-нибудь болѣе выразительное и гла-внѣе.

23 дек.

Многоуважаемый Владимир Александрович, сегодня Синани показалъ мнѣ телеграмму, въ которой Вы спрашиваете, гдѣ Чеховъ. Телеграмма эта подана Вами 20-го и пришла въ Ялту только сегодня 23-го; телеграфъ испорченъ и изъ Харькова везли ее въ поѣздѣ, съ почтой.

До 20-го я получилъ отъ Васъ телеграмму съ улоченнымъ отвѣтомъ, въ которой Вы сообщали, что Вы волнуетесь, не получая такъ долго рукописи. Я отвѣтилъ: «посылаю двадцатаго». Затѣмъ написалъ Вамъ письмо и, немного погодя, послалъ за-

казною бандеролью рукопись. Получила? Пожалуйста, напишите или пришлите телеграмму.

Поздравляю Васъ со святками и съ наступающимъ новымъ годомъ, желаю здоровья и успѣховъ.

Преданный А. Чеховъ.

Скажите въ типографіи, чтобы, когда будутъ печатать книжку «Жизни» съ моимъ рассказомъ, напечатали бы также для меня 10—15 отдѣльныхъ оттисковъ.

Но типографія причинила и Чехову, и мнѣ не мало огорченій. Какъ разъ въ 1900 г. «Жизнь» перешла въ типографію одного изъ ея пайщиковъ, устроившаго для нея свою типографію.

Какъ во всякомъ новомъ дѣлѣ и въ этой типографіи оказалось много недочетовъ, на которыя и жалуется Чеховъ въ слѣдующихъ письмахъ.

11 января.

Многоуважаемый Владиміръ Александровичъ, возвращаю корректуру. Чтать ее было очень трудно, такъ какъ типографія почему-то не прислала оригинала. Есть пропуски, которые я возобновлялъ на память кое-какъ; промежутки между пѣлосами тѣсны, писать негдѣ, пришлось разрѣзывать, подклеивать, и я едва удержался отъ намѣренія телеграфировать Вамъ, чтобы Вы выслали оригиналъ. Скажите корректору, чтобы онъ уже не исправлялъ, по возможности не ставилъ бы запятыхъ и ковычекъ. Пусть въ типографіи обратятъ вниманіе на соединительный знак *o* въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ абзацы обрываютъ разговорную рѣчь.

Корректуру держалъ я не долго, только однѣ сутки. Надѣюсь, что моя повѣсть не задержитъ книжки.

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Преданный А. Чеховъ.

Въ Ялтѣ ждутъ Горькаго.

Корректуру пошлю заказною бандеролью одновременно съ этимъ письмомъ.

12 января.

Многоуважаемый Владиміръ Александровичъ, вчера я послалъ рукопись и письмо, ѣздилъ нарочно на парохоль, чтобы корректура пришла къ Вамъ поскорѣе (корреспонденція съ парохода идетъ потому въ курьерскомъ поѣздѣ, а не въ почтовомъ). Итакъ, названіе повѣсти осталось прежнее. Повѣсть дѣлать никакъ нельзя, она войдетъ вся въ январ. книжку. Еще что? Сдѣлайте распоряженіе, чтобы корректоръ не ставилъ запятыхъ и ковычекъ. Кстати сказать, въ шрифѣ, какимъ набирается «Жизнь», человѣку

съ зрѣніемъ средней силы трудно различить точку отъ запятой. Шрифтъ немножко изысканный, недостаточно простой.

Что еще? А больше, кажется, ничего. Гонораръ посылайте переводомъ по почтѣ. Банка здѣсь вѣтъ, но есть Казнаѣйство, которое оперируетъ, какъ банкъ. Сгало бытъ, деньги Вы сдадите въ Государственный Банкъ, а мнѣ пришлете въ заказномъ письмѣ вексель. Или еще лучше пришлите переводомъ черезъ Азовско-Донской Банкъ на Ялтинское Общество Взаимнаго Кредита. Это лучше, такъ какъ возни меньше. Будьте здоровы и благополучны.

Преданный А. Чеховъ.

Корректура повѣсти Чехова была сдана въ типографію для исправленія, затѣмъ проверена редакціоннымъ корректоромъ.

Будучи страшно занятъ другими редакціонными дѣлами, я не свѣрялъ самъ исправленій съ корректурой. Повѣсть была напечатана съ рядомъ грубыхъ опечатокъ.

Это ужасно огорчило и меня, и Чехова.

Свое огорченіе онъ вылилъ въ слѣдующемъ письмѣ:

Многоуважаемый Владиміръ Александровичъ, напрасно я читалъ корректуру, ее въ типографіи не исправили. Какъ были «табельные» вмѣсто «заговѣные» (стр. 203), такъ и осталось. Въ древнѣйшихъ табельныхъ дней не знаютъ и не празднуютъ,—и это «табельные» покажется людямъ знающимъ нелѣпостью. Послѣ „сига“ (стр. 110) запятая для чего-то, послѣ «пѣвчихъ» (ibid.) вѣтъ запятой, послѣ «Богъ милостивъ» (стр. 214) запятая. «Глазы» корректоръ исправилъ, показалось ему неправильно (216), а Гацаревъ вмѣсто Гунтаревъ, такъ и осталось. И ковычекъ ненужныхъ повставилъ, и двоеточій. Гдѣ у меня точка съ запятой, тамъ онъ повставлялъ двоеточіе.

На страницѣ 219, строка 9 снизу, послѣ „возьми“ вѣтъ тире (—) и т. д., и т. д.

Всѣ эти опечатки, особенно „табельные“ и „Цыбулькинь“ (231 внизу), „Цыбулькинь“ (233, 8-я строка сверху), такъ афраншировали меня, что я теперь видѣть не могу своего рассказа. Такое обидное опечатокъ для меня небывалая вещь и представляетъ мнѣ цѣлой оргіей типографской неряшливости—простите мнѣ это раздраженіе.

Оттисковъ до сихъ поръ я не получилъ.

Нѣкій В. Лазаревскій, юристъ, выпутившій уже книжку рассказовъ, сообщилъ мнѣ надняхъ, что онъ послалъ въ „Жизнь“ повѣсть,—и просилъ меня написать Вамъ объ этомъ.

Будьте здоровы, желаю Вамъ всего хорошаго.

Преданный А. Чеховъ.

5 февраля.

Чеховъ могъ сильно огорчаться, видя, какъ неряшливо обходятся съ его произведеніемъ, написаннымъ съ такою удивительною тщательностью; но онъ не умѣлъ сердиться, какъ это видно изъ нашей дальнѣйшей переписки.

Вскорѣ послѣ типографскаго «несчастья» я послалъ Чехову переплетенный экземпляръ «*Омы Гордѣва*».

«*Ома Гордѣвъ*», сначала печатавшійся въ «*Жизни*», а затѣмъ вышедшій въ ея изданіи, былъ посвященъ Горькимъ Чехову.

Посвященіе вполнѣ искреннее, такъ какъ Горькій очень высоко ставилъ Чехова, выше Тургенева.

У Чехова слѣдовало, по его мнѣнію, учиться всѣмъ молодымъ беллетристамъ.

Въ особенности цѣнилъ Горькій простой, сжатый, строгій стиль Чехова.

И какъ, дѣйствительно, хорошо было бы, если бы молодые беллетристы учились писать у Чехова! Они устыдились бы тогда той вычурности, какой отличаются многія изъ ихъ произведеній.

Впрочемъ, чеховской простотѣ не научишься. Какъ не научишься и его деликатности!

Эта удивительная деликатность сказалась въ письмѣ, присланномъ послѣ полученія «*Омы Гордѣва*».

Многоуважаемый Владимиръ Александровичъ, «*Ома Гордѣвъ*» да еще въ превосходномъ переплетѣ это цѣнный, трогательный подарокъ; благодарю Васъ отъ всей души. Тысячу разъ благодарю! Я читалъ «*Ому*» только урывками, теперь же прочту, какъ слѣдуетъ. Печатавъ Горькаго урывками и по частямъ нельзя; или онъ долженъ писать короче, или же Вы должны помѣщать его цѣликомъ, какъ это «*Вестникъ Европы*» дѣлаетъ съ Боборыкинымъ. Кстати сказать, «*Ома*» имѣетъ успѣхъ, но только у умныхъ, начитанныхъ людей, у молодыхъ также. Я разъ подслушалъ въ саду бесѣду одной дамы (петербургской) съ дочерью: мать бранила, дочь хвалила.

За опечатки я сердился не на Васъ, а на типографію. Теперь у меня отлегло, я забылъ про нихъ, но мною руководилъ не столько гнѣвъ, сколько разсужденіе, что типографію необходимо пробирать почаще. Типографія и контора—это всегдашняя оппозиція журналу, т. е. редакціи, ибо редакціи трудно и почти невозможно, при нашей культурной отсталости, имѣть и въ типографіи, и въ конторѣ своихъ людей. Добрыхъ людей много, но аккуратныхъ и дисциплинированныхъ совсѣмъ, совсѣмъ мало. Надо бороться съ опечатками, и со шрифтомъ и проч. и проч.; иначе эти мелкіе назойливые промахи станутъ при-

вычными, и журналъ постоянно будетъ носить на себѣ нѣкоторый, такъ сказать, дилетантскій оттѣнокъ. А боръ ться, по моему, можно только однимъ способомъ: постоянно заявлять о замѣченныхъ ошибкахъ.

Во всякомъ случаѣ Вы не огорчайтесь очень, не сокрушайте Вашихъ нервовъ, а, напротивъ, торжествуйте, такъ какъ дѣла Ваши великолѣпны. «*Жизнь*» сильно читаютъ.

Охъ, я все о томъ же: пришлите мнѣ хоть 5 отписковъ. Мнѣ это нужно, нужно, прежде всего, для Маркса, потомъ заграничнымъ переводчикамъ.

Гонораръ я получилъ, спасибо.

Итакъ, не огорчайтесь и простите, что я своимъ сердитымъ письмомъ нагналъ на Васъ дурное настроеніе.

Больше не буду писать такихъ писемъ. Желаю всего хорошаго.

Преданный А. Чеховъ.

Ялта 15/п.

Черезъ двѣ недѣли Чеховъ пишетъ мнѣ письмо уже послѣ внимательнаго прочтенія «*Омы*» Горькаго.

29 февр.

Многоуважаемый Владимиръ Александровичъ, Горькій сообщилъ мнѣ, что онъ и Вы собираетесь въ Ялту: Когда Вы прїѣдете? У Горькаго семь пятницъ на недѣлѣ, онъ то и дѣло мѣняетъ свои рѣшенія. Пожалуйста, напишите Вы, въ самомъ ли дѣлѣ Вы прїѣдете, когда прїѣдете и проч. и проч. До Писка я буду безвыздно сидѣть въ Ялтѣ, на Пискѣ, бать можетъ, не надолго уѣду въ Харьковъ, а затѣмъ опять засяду въ Ялтѣ.

Есть слухи, что на Пискѣ въ Севастополѣ и Ялтѣ будетъ играть московскій художественный театръ; если такъ, то скучно Вамъ не будетъ.

«*Ома Гордѣвъ*» написанъ однотонно, какъ диссертация. Вѣ дѣйствующія лица говорятъ одинаково; и способъ мыслить у нихъ одинаковый.

Всѣ говорятъ не просто, а нарочно; у всѣхъ какая-то заданная мысль; что-то не договариваютъ, какъ будто что-то знаютъ; на самомъ же дѣлѣ они ничего не знаютъ, а это у нихъ такой façon de parler — говорить и не договаривать.

Мста въ «*Омѣ*» есть чудесная. Изъ Горькаго выйдетъ большущій писателяще, если только онъ не утомится, не охладѣетъ, не обгнѣится.

Ну, будьте здоровы и благополучны. Жду отвѣта на счетъ Вашего прїѣзда.

Преданный А. Чеховъ.

Вскорѣ послѣ этого мы съ Горькимъ прїѣхали въ Ялту и ежедневно видѣлись съ Чеховымъ.

Меня больше всего поражала и привлекала его рѣдкая простота и безыскусственность. Ни малѣйшаго намека на рисовку. Разговоры иногда принимали грустный оттѣнокъ. У Чехова чувствовалась какая-то усталость, замѣчалось предчувствіе близкаго конца.

Иногда у него прорывалась насмѣшливая нотка, и сквозь сердечную теплоту пробивалась струйка разсудочнаго холода.

Но все же съ нимъ было какъ-то особенно хорошо и легко.

Въ мартѣ 1901 г. въ отвѣтъ на телеграмму, содержанія которой я не помню, онъ писалъ мнѣ о своемъ одиночествѣ.

3 марта 1901, Ялта.

Милый Владиміръ Александровичъ, большое Вамъ спасибо за телеграмму и вообще за память. Немножко запоздалая благодарность, но лучше поздно, чѣмъ никогда, выражаясь по умному. Будьте добры, вспомните, что я одиночекъ, что я въ пустынѣ, сжалитесь и напишите; во-первыхъ, что новаго въ цивилизованномъ мірѣ; во-вторыхъ, гдѣ теперь Горькій, куда ему писать, и въ-третьихъ, не думаете ли Вы пріѣхать въ Ялту отдохнуть.

Разсказъ пришлю непременно.

«Трое» Горькаго въ январ. книжкѣ мнѣ чрезвычайно понравились по тону письма. Дѣвки невѣрны, такихъ нѣтъ, и разговоры такихъ никогда не бываетъ, но все же пріятно читать. Въ декабр. книжкѣ мнѣ не такъ понравилось, чувствовалось напряженіе. И напрасно Горькій съ такимъ серьезнымъ лицомъ творить (не писать, а именно творить), надо бы полегче, немножко бы свысока.

И такъ, пустынный ждетъ отъ Васъ подробнѣйшаго письма. Не полѣнитесь, пожалуйста.

Кашель у меня свѣрбный, уже 5—6 дней, но въ общемъ здравіе мое хорошее, грѣхъ пожаловаться.

Будьте живеньки, здоровеньки, не забывайте Вашего
А. Чехова.

Это письмо пришло послѣ мартовской демонстраціи. Въ апрѣлѣ я былъ арестованъ, въ маѣ выпущенъ. Надъ «Жизнью» сгустились цензурныя тучи, но я не терялъ надежды на ея спасеніе и просилъ Чехова прислать давно обѣщанный разсказъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ изъ Москвы.

21 мая 1901.

Дорогой Владиміръ Александровичъ, Ваше письмо пошло въ Ялту, оттуда въ Москву, гдѣ я нахожусь нынѣ, оттого я получилъ его только вчера; не сердитесь же, что такъ запаздываю отвѣтомъ. Васъ выпустили? Горькій уже вышущенъ дня 4 назадъ; онъ веселъ и

здоровъ, подъ домашнимъ арестомъ будетъ не больше 10 дней. Я видѣлъ доктора, который его свидѣтельствовалъ, и Марюлюбова, который ѣздилъ въ Нижній хлопотать у Святопола-Мирскаго; и свѣдѣнія отъ обоихъ получилъ весьма успокоительныя.

Я чувствую себя недурно, но все же, какъ оказывается, здоровье мое сильно подгуляло, и я долженъ ѣхать на кумысъ. Это все равно, что ѣхать въ ссылку. Пробуду я на кумысѣ мѣсяца два, и если бы Вы послали мнѣ туда майскую и іюньскую книжки «Жизни», то я былъ бы благодаренъ Вамъ—не знаю какъ! Своей кумыснѣй адресъ вышлю Вамъ въ пятницу, въ день отъѣзда.

Разсказъ непременно пришлю.

Непремѣнно! Зрѣйте меня, если не пришлю.

Ваша статья про московскій художественный театръ мнѣ очень понравилась. Но почему въ Петерб. «Одинокіе» Гауптмана пришлось такъ не по вкусу? Почему они нравились въ Москвѣ?

Въ будущемъ сезонѣ пойдеть моя «Чайка».

Намъ бы съ Вами повидаться эгимъ лѣтомъ—какъ Вы думаете? Въ іюлѣ я буду ѣхать обратно изъ Уфимской губ., буду тогда въ Москвѣ.

И не заѣхать ли въ Петербургъ?

Я давно уже не былъ въ Петербургѣ, кстати сказать. Напишите, гдѣ Вы будете лѣтомъ, что и какъ, авось и повидаемся.

Будьте здоровы и благополучны, отдыхайте послѣ предварки и набирайтесь здоровья. Крепко жму Вамъ руку.

Вашъ А. Чеховъ.

Итакъ, въ Москвѣ я пробуду до вечера пятницы. Мой адресъ: Москва, Дрезденъ.

Въ іюнѣ 1901 года «Жизнь» была навсегда закрыта постановленіемъ четырехъ министровъ. Я рѣшилъ перенести ее за рубежъ и обратился къ сотрудникамъ съ просьбой о поддержкѣ.

Первымъ откликнулся А. П. Чеховъ и откликнулся просто, «безъ заѣй».

Вотъ его письмо.

22 дек. 1901.

Дорогой Владиміръ Александровичъ, я былъ нездоровъ почти весь мѣсяцъ, теперь поправляюсь и скоро засяду за работу. Я пришлю Вамъ повѣсть листа въ два или полтора, только не къ февральской книжкѣ, а, вѣроятно, къ апрѣльской или даже майской.

Это Вы хорошо задумали—и дай Богъ Вамъ много успѣха.

Живу я въ Ялтѣ, вдали отъ міра, отъ цивилизаціи, какъ монахъ, скучая; жена моя въ Москвѣ, играетъ въ художественномъ театрѣ. Лѣтомъ я и она думаемъ поѣхать за границу.

Крѣпко жму Вамъ руку и шлю тысячу хорошихъ пожеланій. И съ новымъ годомъ поздравляю кстати.

Душевно Вашъ А. Чеховъ.

Л. Толстой живетъ въ Гасирѣ (почтовый адресъ: Корензъ, дача Паниной), верстахъ въ 10 отъ Ялты. Крыль ему очень нравится, онъ въ восторгѣ. Здоровье его недурно, но старчески недурно. Горькій въ Олензѣ; то же пока незамѣтно, чтобы онъ скучалъ. Его адресъ почтовый тоже Корензъ.

Чехову не удалось исполнить своего обѣщанія, такъ какъ болѣзнь, быстро уносившая его силы, не давала ему возможности «засѣсть за работу».

Но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ искренно хотѣлъ поддержать заграничную «Жизнь» во имя борьбы за свободу слова.

Перечитывая письма Чехова, какъ будто слышишь его тихій голосъ, какъ будто видишь его грустно-насмѣшливую улыбку.

И не вѣрится, что онъ умеръ.

Да и, дѣйствительно, умеръ ли онъ?

Не живетъ ли онъ въ душахъ всѣхъ тѣхъ, кто его любилъ. А его любили не только тѣ, кто знали его лично, но и тѣ, кто чутко его читали.

И да живетъ онъ вѣчно, слившись съ духомъ великихъ творцовъ жизни, жизни свѣтлой и свободной.